

НАТАЛЬЯ МЕЛЁХИНА

В ЗЕРКАЛЕ ПРОВИНЦИИ

Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков. — Вологда: Древности Севера, 2017.

Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 годов. — Вологда: Древности Севера, 2019.

Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1953–1985 годов. — Вологда: Древности Севера, 2019.

Трилогия “Осколки времени” – это серия краеведческих фотоальбомов, рассказывающих об истории города Тотьма Вологодской области и прилегающего к нему района. Казалось бы, подобное издание имеет исключительно местное значение и предназначено, в первую очередь, для жителей этого старинного русского городка и многочисленных туристов, охотно посещающих Тотьму*.

Но в строгом понимании “Осколки времени” – это не совсем фотоальбом, или, точнее, это гораздо больше, чем фотоальбом. Просто пролистать трилогию, как обычно пролистывают издания для туристов, не получится: она создана не для того, чтобы полюбоваться видами города, не с целью поверхностно ознакомить с тотемскими достопримечательностями. По сути, “Осколки времени” – глубокое исследование истории страны на примере Тотемского района, подтверждённое фактами, цифрами и уникальными фотодокументами. Читателю совершенно не обязательно быть туристом или иметь какое-либо иное отношение к тотемской земле, чтобы с интересом изучить “Осколки времени”. Настаиваю на слове “изучить”, а не только “прочитать” и уж точно не “просмотреть”.

Трилогия будет понятна и близка аудитории из любой точки России, потому что всюду в указанные периоды времени происходили одни и те же исторические процессы, только, может быть, с некоторыми региональными особенностями. А раз так, то почему бы и не тотемскими особенностями? В конце концов, анализируя тенденции эпохи, чаще говорят о больших городах или сильно обобщают – до уровня области, края, республики, страны.

---

* Прежде всего, Тотьма привлекает любителей архитектуры. Тотемские храмы не спутаешь ни с какими другими, потому что в этом городе активно развивался стиль барокко. Как он появился в вологодской глубинке? Этот вопрос немало помучил искусствоведов, а ответ кроется в истории: в XVIII веке, в эпоху великих географических открытий тотемские мореходы начинали свои путешествия по реке Сухоне, а заканчивали в неизвестных на тот момент землях, например, на берегах Северной Америки, где было основано русское поселение Форт Росс.

Тем ценнее, что авторы “Осколков времени” написали именно о глубинке, именно точно, без обобщений, а главное, беспристрастно – обращаясь исключительно к фактам.

Исследование выполнено в неожиданном формате – написано не сухим языком научных трудов, а в ярком публицистическом стиле. Трудился над трилогией коллектив Тотемского музейного объединения во главе с его руководителем Алексеем Новосёловым, который является редактором и составителем всех трёх книг.

Собрали по осколкам

Первый том называется “Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков”. Заметим, что слово “осколки” в названии – это не метафора. Оно имеет буквальное значение: фотографии той эпохи на стёклах делали негативы будущих снимков: *“Главными нашими проводниками по удивительному миру старой Тотьмы будут фотографии начала XX века из фондов Тотемского музейного объединения. Мы поэтично назвали их “осколками времени”, и в этом нет никакого преувеличения: подавляющее большинство видов эпохи отражено на стеклянных негативах. Значительная часть этих изображений, запечатлённых на тёмных пластинах, покрытых бромжелатиновым слоем, ещё нигде не публиковалась, потому, уважаемый читатель, Вы держите в руках издание, во многом уникальное”*. Создатели первого тома не преувеличивают: действительно уникальное, потому что даже сама по себе оцифровка стеклянных негативов представляет собой большой вклад в изучение истории XX века. В настоящее время первая книга уже стала букинистической редкостью, и в интернете нередко встречаются объявления от коллекционеров, желающих её приобрести. В томе опубликованы фотографии, сделанные разными людьми на переломе эпох, когда царская Россия уже уходила в прошлое, и на смену ей шествовала под громкими лозунгами будущая советская страна.

В наши дни в интернете популярны фотоподборки с названиями вроде “За минуту до трагедии”. То есть снимал человек, скажем, цунами, а потом – ап! – и сам был убит этой гигантской волной. При разглядывании таких фотографий захватывает дух в ожидании чего-то неотвратимого, неизбежного, чему отдельный человек противостоять не в силах. Революции 1905 и 1917 годов – чем не цунами?

И мог ли остановить историю или повернуть её вспять купец Александр Киренков, автор многих фотографий из этой книги, гимназистка Наташа Дилакторская или крестьянин Замараев, чьи дневниковые записи использованы в издании? Ответ очевиден.

Острое ощущение грядущего апокалипсиса авторы книги создают последовательно, уже начиная с эпиграфа – с цитаты Леонида Парфёнова: “В советские времена любили приводить статистику “по сравнению с 1913 годом”, – мол, вот настолько стало больше чугуна и стали на душу населения в стране. “А чего стало меньше?” – теперь-то мы вправе сказать: меньше стало России. А той, 1913 года, не стало вовсе”. Как приговор, звучит его фраза: “Мы сами на свою цивилизацию изверглись”.

В первом томе рассказывается о значении реки Сухоны в формировании социального и экономического статуса Тотьмы, описан внешний облик города, его планировка и застройка, храмы и околородья. Отдельная глава посвящена Спасо-Суморину монастырю. Это всё местные особенности, но ведь город – это не только архитектура и не только экономика. Авторы описали повседневную жизнь всех слоёв населения – от крестьянства до тотемской интеллигенции, от духовенства до ссыльных. В книге помещены биографии, воспоминания и дневниковые записи конкретных людей.

Из учебников истории мы выносим представление о сословиях в царской России как о некой статичной системе, где всякое сообщество замкнуто внутри себя и живёт лишь своими проблемами и чаяниями. “Осколки времени” показывают эту социальную систему в динамике. Сословия не существовали сами по себе, а органично “вживались” в единое время-пространство. Так, провинциальное духовенство не отделяло себя от главных событий в городе, стране и за рубежом. *“Деятельность священников была достаточно многогранна: будучи миссионерами, они работали над повышением образовательного уровня прихожан, принимали участие в судьбе обездоленных детей, курируя*

детские приюты, занимались нравственным и духовным воспитанием заключённых, создавали общества трезвости и попечительские советы о бедных. Неоценимым был и вклад духовенства в благотворительную деятельность в годы Первой мировой войны. Служители Церкви участвовали в сборе средств по подписным листам, отчисляли от 1 до 5 процентов жалования на содержание раненых и больных, а также в пользу семейств лиц, призванных на фронт», — пишут создатели книги (кстати, радуется, что в издании есть и отдельная статья «Первая мировая война и её влияние на жизнь уездного города», поскольку обычно эта тематика остаётся в тени). Ту же картину мы видим и в дневниках крестьянина Замараева. Он не замыкается внутри проблем крестьянства. Его волнуют не только события внутри своей сельской округи, а широчайший спектр тем вплоть до гибели «Титаника».

Когда вчитываешься в описание быта и бытия людей, живших на границе XIX и XX веков, ловишь себя на мысли, что это были представители не только иной эпохи, но и иного мировоззрения. К примеру, они иначе воспринимали само течение времени. Если судить по дневнику крестьянина Замараева, для него год — это череда сельскохозяйственных забот, прерываемых лишь на короткий срок в зимние месяцы. Если судить по записям гимназистки Наташи Дилакторской, для неё время — это не годичный цикл, а собрание ярких и неповторимых дней её юности. Для художника Феодосия Вахрушова течение дней и лет — это живописные образы с его полотен. И никто из этих людей не страдает от суеты и информационной перегруженности, как страдаем мы, люди начала XXI века. Они жили неспешно, созерцательно, со вкусом к самой жизни. Мы, современники, так уже не умеем, но, благодаря первому тому «Осколков времени», можем прочитать отрывки из дневников и документов, вдуматься в факты и цифры, можем увидеть фотографии, чтобы получить представление, как это было.

Большим достоинством книги является сам стиль изложения: простой, понятный, но не легковесный. К месту использованы цитаты, интересные истории из биографий жителей Тотьмы, противопоставления, пейзажные описания и т. п. Подобные издания нередко грешат тяжеловесностью слога. Стиль научных диссертаций, сухость изложения, отсутствие ярких цитат и образов — это вовсе не достоинство в книгах, рассчитанных на массовую аудиторию. Это недостаток, с которым следует безжалостно бороться. Как бы ни было в книге много фактов, цифр, ценных сведений, всё это впустую, если воспользоваться информацией смогут исключительно люди, имеющие профессиональное историческое образование. В первую очередь, такие книги пишутся не для тех, кто и без авторов всё знает, а для тех, кто знает мало или не знает ничего.

Впрочем, и «те, кто всё знает» могут быть удивлены некоторыми фактами. Например, принято считать, что крестьяне на рубеже веков в массе своей были бедны, забиты и неграмотны. На самом деле всё гораздо сложнее. Не существовало единой тенденции, поскольку каждая деревня Русского Севера была сродни суверенному государству из-за больших расстояний между ними, неравной удалённости от городов, разнице в плодородии земель, близости к реке Сухоне, которая играла огромную роль в экономике, и т. д. *«Грамотность была распространена среди населения Тотемского уезда неравномерно. К примеру, в Погореловской волости число грамотных составляло более 60% всего населения, там действовали народная читальня и две библиотеки: при волостном правлении и в сельском училище. На 218 жителей Погорелова приходилось более 1200 книг (в личном пользовании), два крестьянина даже выписывали газету «Сельский вестник»! А вот в Калининской волости чуть больше тысячи книг было на 39 селений и почти 3400 жителей; едва четверть часть от общего количества детей имела возможность посещать начальное училище или церковно-приходскую школу, а из взрослого населения грамотой владели всего около 10%»,* — такие цифры приводятся в книге. И тут же сделано замечание: огромная часть культуры крестьян была устной. То есть деревенские жители могли не уметь читать, но при этом знали наизусть стихи поэтов-классиков и отрывки из Библии, сюжеты главных романов своего времени, хорошо ориентировались в событиях эпохи. Почему? Потому, что принято было читать книги и газеты вслух для тех, кто не владеет грамотой, а затем ещё и коллективно обсуждать услышанное. Эту традицию трудно представить в наши дни, но только помня о ней, стоит делать выводы, насколько «тёмным» было крестьянство Русского Севера.

Связали нить

Второй краеведческий фотоальбом называется “Осколки времени: Тотма на фотографиях 1917–1953 годов” и является естественным продолжением первой книги. Он спасает из бездны забвения очень важный исторический период – с 1917 года и до смерти Сталина.

До развала СССР вся информация об этом отрезке времени подвергалась жесточайшей цензуре. После развала, за 90-е годы выросло целое поколение, которое училось вообще без учебников истории: старые школьные пособия в одночасье стали неприменимыми из-за идеологических штампов, а новые попросту не успели написать.

Нынешние 35–40-летние россияне, будучи учениками, запоминали фактологию этого периода, но не вникали в исторически обоснованную преемственность царской и ленинской, а затем сталинской страны, потому что сама система образования не была готова к такому подходу в преподавании истории. Ныне предпринимаются попытки выстроить линейную связь: царская Россия – революционная Россия – Советский Союз – Российская Федерация, но предпринимаются робко и не всегда удачно из-за огромного числа непрекращающихся политических споров и откровенных спекуляций даже достоверными фактами. В итоге от 1917-го до 1953 года – это время *incognito*.

Создатели диалогии “Осколки времени” постарались решить эту фундаментальную проблему на примере всего лишь одного провинциального района – Тотемского, однако многие выводы, сделанные ими, будут верны и для всей страны.

Так, потрясающе глубока и трагична глава “Тотемская деревня. Коммуны, коллективизация”. Из первой книги мы помним, как широко и свободно, пусть и не без проблем, жили тотемские крестьяне. Как же сложилась их судьба после Революции? – Несчастливо. Голод, болезни, разруха. Делами деревни начали заниматься люди, ничего не смыслящие в сельском мире. И встретили их по заслугам. Из дневника крестьянина А. А. Замараева в 1918 году: “Народ стонет от большевизма, потому что у народа всё взяли, а взамен ему ничего не дали”.

Отныне сельчане воспринимаются как подозрительный и даже чуждый классовый элемент. Лозунг “Земля – крестьянам!” обернулся глобальным обманом. Для новой власти крестьянство – расходный материал, нужный лишь постольку, поскольку большевики строили промышленную империю, а работников “великих строев” надо же откуда-то привезти и чем-то кормить.

Деревню безжалостно, кроваво и неумело принесли в жертву прогрессу. Рачительных, инициативных, работающих сельчан клеймили как кулаков и репрессировали, крепкие хозяйства – разоряли, трезвое и мудрое отношение к природе – искореняли, уважение к земле – высмеивали, семейные основы – подрывали, постулаты веры – заменяли идеологическими пустышками.

Автор главы Вера Галушкина пишет: “В целом можно сказать, что коллективизация в масштабах страны решила проблему свободной перекачки средств из аграрного сектора в промышленность, обеспечила снабжение армии и индустриальных центров продуктами сельского хозяйства... Вопрос о том, какой ценой были осуществлены эти достижения, наверное, самый болезненный... Коллективизация кардинально нарушила сельскую жизнь и была началом трагического процесса “раскрестьянивания”, уничтожения всех хозяйственных и нравственных традиций, живших в сельской среде и передававшихся из поколения в поколение. Это был первый и главный удар по миру русской деревни, после которого ликвидация неперспективных деревень в 1970-е и экономический кризис в 1990-е годы стали только отдельными эпизодами в общей картине стремительной урбанизации и оттока людей из сельской местности”.

Если хотите узнать, почему умер “Лад”, описанный классиком Василием Беловым, то эта глава из “Осколков времени-2” написана для вас. Она поможет уяснить, что сельчане на долгое время стали фактически людьми “второго сорта”, а судьбу их решали люди, которым сам дух “Лада” был ненавистен. Показательный момент – отъём паспортов, а вместе с ними права свободного передвижения, то есть впервые за всю историю страны крестьянство Русского Севера, по сути, было поработщено, а ведь такого не бывало даже в порицаемой большевиками царской России!

Эта глава имеет огромное значение: она восстанавливает историческую справедливость. У каждого города есть свой музей, хотя бы маленький, своя летопись более или менее полная, но деревни похвастаться этим не могут, они уходят в небытие тихо и незаметно, не оставляя после себя ничего, кроме пустырей на месте изб и огородов да заросшей кустами пашни. “Осколки времени-2” помогают понять, какой же была деревня в целом в момент своей гибели. В фотографиях, описаниях, документах, воспоминаниях мы видим, как мучительно проходило “раскрестьянивание”.

Этот раздел книги – добротная основа для последующего более чуткого прочтения всей деревенской прозы, для более тонкого восприятия произведений Фёдора Абрамова, Василия Белова, Василия Шукшина, Валентина Распутина, Виктора Астафьева и других, ведь не случайно гибель деревни – одна из главных тем в художественной литературе XX века. Это тот самый “перелом”, который навсегда изменил Россию.

Два краеведческих альбома неразрывно связаны между собой, и вместе с ними оказывается связанной и нить двух эпох – царской империи и советской. На примере главы про крестьянство мы видим, как эту связь большевики попытались оборвать, и отчасти им это удалось.

Точку невозврата фиксирует глава “События Революции и гражданской войны в Тотемском уезде”. Последствия этого разрыва в преемственности исторической памяти описаны в главах: “Тотемские фотографы Дмитрий Петров и Еверест Баландин – летописцы эпохи”, “Тридцатые годы. Индустриализация и повседневность”, “Репрессии и репрессированные в судьбе Тотемского края”, “Церковь. Антирелигиозная борьба”.

Стоит подчеркнуть, что в разделе “Репрессии и репрессированные в судьбе Тотемского края” автор обращается к не часто поднимаемой в вологодском краеведении теме – переселению украинцев на Север. Коренева Н. И. приводит такие цитаты-воспоминания свидетелей эпохи, от которых у читателя кровь стынет в жилах. Из письма “всесоюзному старосте” Михаилу Калинин: “... Отправляли... в ужасные морозы – грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге, и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство); потом выкидывали из вагонов, как собак, а затем разместили в церквях и грязных, холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, в грязи, во вшах, холоде и голоде, и здесь находятся тысячи детей, брошенные на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания”. На территории Тотемского района в 30–50-е годы XX века было размещено 23 спецпосёлка, куда переселено 4329 семей украинцев. Коренева Н. И. рассказывает и о судьбах конкретных людей, и о том, что стало с посёлками после окончания периода репрессий.

Несколько особняком стоит раздел “Двадцатые годы. Картины быта”. Уж слишком это десятилетие, исполненное мечтаний и надежд, “выпадает” из общей картины XX века по своей исторической фактуре. Автор главы Алексей Новосёлов так и говорит: “Его в полной мере можно назвать исчезнувшим не столько из литературы, мемуаров, воспоминаний, сколько из коллективной памяти... Об этом даже слегка растерянно пишет, пожалуй, лучший хроникёр последнего столетия, журналист Леонид Парфёнов: а откуда ли мы, из этой ли мы эпохи, есть ли связь между эпохой, революционной романтикой, интернационалом и нами сегодняшними?”

Слегка выбиваются из общей структуры книги ещё две главы: “Образование. Ликвидация неграмотности” и “Здравоохранение”. Это два самостоятельных очерка. Они вполне могли бы быть опубликованы в виде отдельных брошюр, поскольку каждый раздел даёт полную картину развития образования и здравоохранения в указанный период.

В главе “Здравоохранение” особый интерес вызывает рассказ о костно-туберкулёзном санатории на Десятине. Когда-то эта страшная болезнь была бичом нации, и этот эпизод из истории Тотемского района передаёт сам дух времени: выжить в первую половину XX века было нелегко не только из-за риска быть убитым или репрессированным, но также из-за общей неустроенности быта, из-за тяжёлых болезней и голода.

Глава про образование – одна из самых больших в “Осколках времени-2”, что закономерно: краеведческого материала по такой тематике, как правило,

сохраняется много (документов, воспоминаний педагогов и выпускников, фотографий классов и курсов, экспонатов школьных музеев и т. д.). Вызывает огромное уважение объём проделанной работы. Ясно, что автор главы В. А. Притчина стала настоящим экспертом в заявленной теме. Однако, возможно, раздел будет скучноват для тех читателей, которые не специализируются на истории образования Тотемского района. Причина – в обилии специфических деталей и упоминаемых фамилий. Кроме того, стоило бы “почистить” главу от перечней и цифр.

Возьмём для примера фрагмент об истории лесного техникума на стр. 180–183. На стр. 180 – количество значкистов, комсомольцев и т. д. К сожалению, рядовому читателю эти цифры ни о чём не скажут. Мы узнаем, что “подготовлено 20 ворошиловских стрелков”. Для читателей, рождённых и воспитанных не в СССР, само это понятие “ворошиловский стрелок” требует пояснений. Трудно ли было им стать? Как понять “не рождённым в СССР”: 20 стрелков – это много или мало для тех лет? Или: “техникум выпустил 170 человек”. Что это значит: этих специалистов хватило для лесной отрасли или надо было больше, и если больше, то насколько и почему?

В подобных очерках, если они адресованы широкой аудитории, а не только историкам и специалистам-краеведам, цифры стоит называть с осторожностью, непременно объясняя, что они значат, а также используя вместо текста средства современного книжного дизайна: инфографику, вынос на поля, вёрстку отдельным информационным блоком и т. д.

На стр. 181 перечисляются через запятую темы в студенческой стенгазете и тут же, на стр. 182, фамилии педагогов и директоров даны списком. Скорее всего, неподготовленный читатель эти перечни, поставленные рядом, просто перелистнёт. Во-первых, списки читать попросту скучно. Во-вторых, сами по себе ФИО педагогов не несут ни эмоциональной, ни смысловой нагрузки, если только читатель не был лично знаком с тем или иным учителем. Было бы уместнее добавить в текст пару абзацев о самых ярких личностях среди этих педагогов, сделать так, чтобы за безликими фамилиями аудитория увидела живых людей.

Дотошная фиксация деталей хороша для научного труда, но не всегда органично смотрится в документальной литературе, а серия “Осколки времени”, безусловно, к ней и относится. Именно поэтому глава “Образование”, без сомнений необходимая во втором томе, всё же несколько выбивается из общей стилистики двух книг. Раздел “Жизнь тылового района в годы Великой Отечественной войны” сбалансирован и краток. Создатели книги вполне справедливо замечают, что нельзя уместить в эту главу всё, что написано о войне, и потому они постарались отразить лишь самое главное и малоизвестное. У авторского коллектива выполнить эту задачу получилось. Завершает книгу глава “Послевоенные годы. Восстановление хозяйства” – вполне логичная кода для подобного издания. Далее, после 1953-го, наступает совсем иная, более свободная и светлая эпоха.

В целом “Осколки времени-2” сохраняют структуру первого краеведческого альбома и последовательно описывают все сферы жизни Тотемского района, а также самые главные события за исследуемый исторический период.

Примечательно, что две книги связаны между собой ещё и на уровне “персонажей”: в “Осколках времени-1” мы познакомились с семьёй Дилакторских, крестьянином А. А. Замаараевым, художником Феодосием Вахрушовым и т. д. В “Осколках времени-2” читатель узнаёт, как сложилась их судьба в “эпоху перемен”. Замечательный ход, редкий в документальной литературе! Через биографии реальных жителей Тотемского района подчёркивается историческая преемственность досоветского и советского периодов, и, таким образом, два тома окончательно становятся единым текстом-монолитом.

Стоит ещё раз подчеркнуть, что второй том хоть и повествует о Тотемском районе, но затрагивает при этом болезненные вопросы, до сих пор актуальные для всей страны. Не случайно “Осколки-2” стали дипломантом в номинации “Диалог со временем: лучшая книга мемуарно-биографического и историко-документального характера” в общероссийском конкурсе Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) “Лучшие книги года-2019”.

Вышли из застоя

В 2021 году был издан третий том “Осколки времени”, и кажется, что к третьей книге коллектив, состоящий из сотрудников Тотемского музейного объединения, поневоле набрался писательского опыта и вошёл во вкус. Появилась лёгкость, которая у любого автора вырабатывается с опытом, а также в диалоге с читателем. Это самая удачная книга серии по уровню языка и стилю изложения. Написана она попросту увлекательно, читается на одном дыхании, не требует никакой специальной подготовки, помимо школьной. В первом томе авторы как бы “борются” с привычкой писать наукообразно и официозно, видно, с какими усилиями специалисты-“музейщики” эту привычку преодолевают. Во втором – это ещё похоже на статьи и доклады, но наполовину уже публицистика. А в третьем – публицистика высокого образца, а местами и документальная проза. Любопытно, что весь путь “через три книги” проделали не все авторы, а только четверо, но, очевидно, что каждый последующий том ориентирован на предыдущий. Проект обрёл свой стиль: авторы первого тома его обозначили, второго – развили, а третьего – отшлифовали.

К примеру, в третьей книге больше не встретишь нудных безликих списков фамилий (как перечисление педагогов в главе про образование тома “Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 годов”). Таблицы, цифры, списки отныне отделены от общего повествования. Так к главе “Городское хозяйство и строительство” сделано приложение – перечень строительства жилых и общественных зданий в Тотьме 1953–1985 г.г. Да, не все читатели до тошны, не все по этой таблице будут сверять адреса, “пароли и явки”, но есть и такая часть аудитории, для которой это важно. При таком подходе – текст отдельно, а таблица отдельно – учтены вкусы всех сторон.

В третьем томе правильно расставлены знаки читательского интереса. Для этого в тексты включены мини-истории людей, сами по себе это вроде бы незначительные эпизоды, но как метко они характеризуют эпоху! Используются эти “рассказики” всегда к месту. Так, в главе “Торговля, общественное питание и бытовые услуги” повествуется о периоде дефицита товаров, о распределении ценных вещей по благу. И тут же приведено воспоминание жительницы Тотьмы Е. В. Федотовской, которая выстояла длинную (в половину суток!) очередь за цветным телевизором, и была уверена, что получит его, поскольку стояла всего лишь четвёртой. *“И вот она, долгожданная машина, приехала! Стали разгружать... Я, как и все другие, провожала каждый телевизор взглядом до дверей магазина. Только телевизоров оказалось не двенадцать, а всего шесть. Но ничего, я-то четвертая! Ждали, ждали, и наконец-то магазин открылся. Все рванули к прилавку, соблюдая очередь. Но продажа закончилась очень быстро, так как продали всего два телевизора. Кому не досталось, начали возмущаться, просить объяснения. Оказалось, что другие четыре телевизора оказались “неисправными”, – поведала Е. В. Федотовская.* Далее не дано никаких особых пояснений, но читателю и без них становится совершенно очевидно, что “неисправные” телевизоры были распределены “из-под прилавка” среди “своих”. Как тут не посочувствовать покупательнице, как не возмутиться произволом продавцов?

Авторы “Осколков времени” соблюдают закон последовательности. В каждом новом томе, в каждой главе они не забывают дать отсылки к предыдущему периоду и намекнуть на будущее. Вот и очерк “Торговля, общественное питание и бытовые услуги” заканчивается отсылкой ко второму тому, где были описаны тяготы военного и послевоенного времени. *“Обидно то, что для представителей поколения, пережившего войну или взрослевшего в послевоенные годы, дефицит был чем-то само собой разумеющимся. Блат тоже был делом обыденным или считался нормой. Люди верили, что это только сейчас плохо, а потом, когда страна оправится, у всех всё будет замечательно”,* – констатирует автор этой части Вера Галушкина. Заметьте, читая эти строки, любой человек знает, что в будущем страна не просто не “оправится”, а исчезнет с географических карт, и вместе с Верой Николаевной от души переживает несправедливость, от всего сердца сочувствует поколению, которое вынесло столько тягот.

Как и предыдущие две книги, третья рассматривает жизнь тотемичей все-сторонне. Об этом можно судить даже по названию глав: “Власть и идеология.

Тотемский край в судьбе страны”, “Промышленность”, “Транспорт”, “Образование”, “Культура и досуг” и т. д. Авторы проанализировали, как основные события эпохи отразились в истории Тотемского района: освоение целины, Олимпиада-80, введение войск в Афганистан, укрупнение колхозов, строительство автодорог по направлению к Вологде, реабилитация “врагов народа” и т. д. — ничто из главного не упущено.

Третий том, наверное, самый непростой из всей серии. Он посвящён так называемой “эпохе застоя”. Говорить о ней особенно сложно по многим причинам. Во-первых, она вызывает жесточайшие споры, особенно в соцсетях. Одни люди по ней ностальгируют, другие — чуть ли не проклинают. Во-вторых, она ещё остро жива в памяти целых поколений. И это, с одной стороны, хорошо, потому что исследователи Тотемского музейного объединения имели возможность для третьей книги найти гораздо больше “живых”, воспоминаний, документов, снимков и пр. А с другой — плохо, так как при такой близости бывает трудно отделить объективное от субъективного в тех же воспоминаниях тотьмичей. В-третьих, боюсь, столичным читателям будет сложно понять и принять тот факт, что в глубинке многие процессы, характерные для периода 1953–1985 годов, практически не ощущались или ощущались, но совершенно иначе, чем в центре страны.

Алексей Новосёлов, директор Тотемского музейного объединения, в финале рассуждает: *“Перевернув страницу и увидев заголовок “Послесловие”, некоторые из вас, уважаемые читатели, наверняка подумают: как? Уже всё? А где же, собственно, такие важные темы, как диссиденты, “самиздат” и “тамиздат”, где рассказы о каких-то оппозиционных настроениях?.. Ответ сложнее, чем можно представить. Конечно, нельзя сказать, что тотьмичей середины 80-х годов всё устраивало в окружающем их мире. Но при всех этих минусах — благе и очередях, заорганизованности, отживающей своё идеологии, афганской кампании — люди не могли не заметить, что город сильно меняется”*.

Видите ли, парадоксальным образом “эпоха застоя” в глубинке вовсе не воспринималась “застойной”. В ней, кроме отрицательного, было множество положительных процессов, не заметных, и, скорее всего, даже не известных, к примеру, москвичам или петербуржцам. Опираясь на факты из третьего тома, попробуйте представить, как должны были “ощущать” это время тотьмичи. К примеру, до “застоя” в их районе мало существовало дорог с твёрдым покрытием, а лишь непролазные от грязи “направления”. Добраться от Вологды до Тотьмы можно было либо теплоходом по реке Сухоне (этот путь занимал почти сутки), или по воздуху, но билеты на самолёт стоили очень дорого, и их не хватало. И вот, наконец, построили настоящее автомобильное шоссе! Разве это не значительный шаг вперёд? В наши дни путь от Вологды до Тотьмы займёт не более трёх часов, и все уже привыкли к этому, а тогда это воспринималось как революционный прорыв: не ночь на тепलोходе, а считанные часы по автодороге. Невиданное удобство!

В указанный период электрическое освещение появилось там, где ранее знали лишь свечи и керосинки. И вот вам снова факт из книги — в колхозе “Большевик” Середского сельсовета электричество провели только к 1970 году. Представляете, какая это была радость для сельчан? Построили школы в сёлах, откуда дети по 10–16 км ходили на учёбу ежедневно туда-обратно. Открыли клубы и библиотеки. Колхозникам дали паспорта, освободив от “советского закрепощения”, и увеличили уровень зарплат. Обеспечили медицинское обслуживание. Вот таким, оказывается, “ощущался” “застой” в провинции — периодом медленного, но безусловного улучшения качества жизни. Это, мягко говоря, совсем не те условия, в которых люди становятся оппозиционерами и начинают бунтовать, зачитываясь “самиздатом”. Здесь, именно в этой точке, намечается будущий разрыв мегаполисов и провинции в восприятии не только и не столько “застоя”, но и истории страны, а также в целом жизни в России. Если вдуматься, это трагедия: город и деревня, столица и провинция ещё никогда не были так далеки друг от друга, как при процессах глобализации, что и логично, и грустно. И мы ещё не знаем всех последствий случившейся беды.

Добавим, что весь третий том пронизан рубцовской поэзией. Действительно, жизнь Тотьмы, начиная с периода 1953–1985 года и далее, уже не представить в отрыве от имени поэта. О чём бы ни шла речь, вдруг с удивлением

обнаруживаешь, что Рубцов об этом либо писал, либо был непосредственным свидетелем и/или участником событий, либо размышлял и т. д. Рубцоведам и просто поклонникам таланта Николая Михайловича обязательно стоит прочитать третий том “Осколков времени”. Книга многогранно и очень глубоко покажет ту среду, в которой вырос и сформировался поэт, и после чтения третьего тома восприятие рубцовской лирики непременно дополнится совершенно новыми смыслами и эмоциональными нюансами. Вряд ли авторский коллектив стремился к такому эффекту специально, но тем не менее он возник сам собой (а ведь так бывает только в произведениях, созданных на высоком художественном уровне). Эта “ненарочность”, “ненамеренность” особенно восхищает. Благодаря ей вдруг осознаёшь, что Николай Рубцов поистине “народный поэт”, что это не штамп из учебников и официальных речей, это объективная данность.

Будем надеяться, что проект “Осколки времени” не останется трилогией, а вырастет до тетралогии, ведь издавать каждые два года по тому для Тотемского музейного объединения стало традицией, а читатели, в свою очередь, эту традицию полюбили и поддержали. Каждый новый том – событие! *“Создавайте свои исследования, публикуйтесь в газетах и сборниках, рассказывайте о том, что Вы хотите оставить в коллективной памяти, приносите фотографии, документы и предметы эпохи в наш музей. Мы всегда готовы помочь. И вместе, сообща, – продолжение обязательно следует”*, – подводит итог Алексей Новосёлов, составитель и редактор серии.